

Holocaust Media Project
February 1992, San Francisco, CA
Interviewer: Rita Gopstein
Translator/Transcriber: Xenia Hammer

Q: Could you please state your name, where were you born, when.

A: My last name is Moshkova, first name, Polina. I was born on April 7, 1930, in the city of Kharkov. I was an only child. I remember, we lived with my grandmother and my grandfather with my mother and father in a very small apartment. I was a only child, but had a lot of cousins, since my mother had four sisters and four brothers. Altogether, my grandmother had nine kids. It was a close-knit family, and every Sunday, I remember, all her children with their families would come and visit with us in our small apartment. We would make food on those Sundays -- that's one of my childhood memories.

One of my aunts, her name was Fradia, was married to a Polish Jew, his name was Yusef, we called him Yuzik, last name Lerner. They had two children, my cousins, named Nina and Lilia. Nina was the younger, she was twelve years old before the war, that's where I am in my story, before the war. Lilia was fifteen. When the war started, I turned eleven in April of that year, and the war started in June. My family, that is my grandfather had died by then, he died when I was seven years old, in 1937, my grandmother, mother, father, he was unfit for military service since he had complete loss of vision in one eye and could hardly see out of the other eye as well, we were evacuated with the last train load of refugees. In occupied territory, in September, no October of 1941, Kharkov was already occupied by the Germans, remained the Lerner family, the family of my aunt Fradia Lerner. Right away, after a round up of Jews on some city square, they were sent to a ghetto. To Kh.T.Z., Kharkov Tractor Toolworks, it was a famous Kharkov ghetto. My aunt and uncle. The children, two girls of twelve and fifteen, were taken and hidden by a Russian woman, a neighbor, Marina. I remember that Marina had a son our age, Volodia, and we would always play together. I would visit them, we lived nearby, I was very friendly with Nina. This woman, she lived alone with her son, she was hiding these two girls. So. We did not know anything about them. The city was occupied. We lived first in

Kazakhstan, then in Uzbekistan in Alma-ata, then in 1944 (Kharkov was liberated in 1943), my relatives, I don't remember who, came back to Kharkov and wrote to us about the fate of this family. When the girls were with this neighbor Marina, it was a very tough time, hunger, cold winter; they had to barter all their belongings for food. But every day, the girls walked a very long way to the ghetto, to Kh.T.Z. to look at their mother and father, who from behind the barbed wire looked at them. They had a daily date with their parents. Then the parents were evidently shot because they would not come out to look anymore. The neighbors came, it was a large building with a lot of neighbors. The neighbors came and said to Marina: " You have to make the girls leave because we are all in danger. If they are discovered, we will all die because we all know." And she was forced to tell the girls to leave she said, she was afraid for the life of her son and the neighbors. They left, it was in the middle of a terrible, cold winter. There was no more warm clothes left. They left in their summer coats. They were found on the road to the town of Sumy, frozen. That was the end of the life of this family.

I must say, they did not leave because of their father, Yuzik Lerner, because, I know he was saying that he is sure that the Germans is a cultured people, that there will be no extermination of the Jews. He wanted to stay, did not want to hear anything. And he died, and the children died.

We survived. I must say, my aunts and my uncles who fought, my uncles I mean, and even one of my aunts, they also survived. My aunt joined the partisans when the war started. She was one of the old Bolsheviks, one of those fanatically devoted to the Soviets. Even during the civil war, she ran away from home when she was 18 years old and joined the forces of Parkhomenko, Alexander Parkhomenko, a famous civil war general. She fought with Voroshilov and Budenny. I remember, she showed photographs of her dancing with Budenny. I remember, Parkhomenko's wife visited and stayed with her -- that was before the war, I was eight or nine years old. My aunt, she did not have children, her husband was Russian, Yevgeniy Ivanovich Pratsenko, also fought during the civil war, also a fanatical Bolshevik. They did not have any children, and they took a little girl from an orphanage, Nadia. She was a year and a

half when they adopted her before the war. When the war started, my aunt, aunt Olia was summoned to the area's party headquarters and said that they know that she is a person dedicated to the soviets and offered her and her husband to work behind enemy lines on a reconnaissance mission. They said, we know you have a child, so you may refuse. She said: "If the party trusts me, then there can be no discussion." And she gave the child back to the orphanage. We could not take this girl because we had a very sick grandmother, she had asthma. She had to give the girl to the orphanage and left for the front. We departed for Alma-ata, and two months later, my aunt and uncle completed the assignment, were each awarded the Red Star medals -- they wandered behind enemy lines and counted armaments and weapons and relayed the information. They came to us in Alma-ata and started to search for their child. This child lived near us on the same street, we did not know that at the time. Right before my aunt and uncle arrived, the children were shipped out somewhere. I remember the search, through Barnaul, that was the city where everybody searched for the living, the dead, the missing in action. They found the girl, took her and raised her.

Well, I got distracted a little -- that was their story. What else shall I remember?

In Kharkov, they showed me a woman. I remember, her name was Zhenia, don't know her last name. When the war started, she had a newborn baby, a boy. When the Germans rounded up the Jews on some city square, the Russians came to watch them being sent away to the gas chambers. A truck would roll up with the gas chamber inside. The people would be loaded into the truck, and the bodies would be unloaded at the other end because people were suffocated inside that truck. So there was a line of Jews, some with kids, some without. They were told that they were being sent somewhere, to a ghetto. In any case, the Jews were rounded up, and on that square there was a crowd of Russians. and Ukrainians who were watching that line being loaded into the trucks. Nobody knew that there were gas chambers inside. Just people loaded up into a car and taken away. I want to say, that not all Germans are animals, probably. That woman with her newborn baby was the last in line. And a German, a young German soldier, pushed her with her weapon, yelled: "Shneller, Shneller" into the crowd of Russians.

She walked away. We returned to Kharkov in 45, and in 1951, I married a man from Leningrad and moved there. Every year, I visited my parents, and my mother always showed me this woman. She worked at the Kharkov market, selling something. My mother would always tell me this story and come up to this woman. She lived with her son, ten years younger than me, also happy and healthy. That was her story, when the German pushed her into the crowd. Maybe he felt sorry for her, maybe he remembered that he also had a newborn baby. In any case, he showed such kindness.

What else should I talk about. I am remembering my father's stories, that was in 1919, I think. When the bands came to the Ukraine and perpetrated Jewish pogroms. My grandfather, my father's father, was a miller. Maybe it was his small mill, I don't know. He had workers, Ukrainians, Russians. They had a lot of respect for him. When those bands came and gathered some Jews, including my grandfather and my father, and lead them to be shot. My father was telling, he was about sixteen at the time, how he felt the barrel of the gun in the back of his head. At that moment, the Russian workers stepped forward from the crowd and begged literally on their knees to let the miller and his son go: "They are good people." I would not be here if they did not let them go. There was such an incident.

This has no relation to the Jewish genocide, but I heard this story about the blockade of Leningrad. This was told by a woman who lived through the blockade. She was left alone in her building -- everybody else died. She craved the company of some live being. All of a sudden, a rat appeared. She could not figure out where the rat came from because all the rats were already caught and eaten, all the rats and cats and everything alive. So this rat appeared. She so craved the company of a live being that every day, she started sharing her daily 125 grams of bread with this rat. And the rat lived with her. She talked with the rat and the rat looked at her with her bead eyes as if she understood everything. They say the rats are smart animals. When the blockade was lifted, when the neighbors came back, the house was full of people. Nobody wanted a rat in the kitchen. The neighbors started talking about a mousetrap, to do something to get rid of her. She begged them to keep the rat because it saved her life. The rat listened and watched.

When the woman felt that further discussion was in vain, she told the rat to leave. The rat left and never reappeared. That was the story that that woman told about herself.

As far as anti-Semitism is concerned, there was a lot of it, still is, and probably will be, because that is what the whole life story says. When I came to Leningrad, we lived in a terrible communal apartment. "Corridor system", the apartment housed 82 people. Long corridor, 26 rooms, 82 people. Some with three or four people in the room, some with one or two. Huge kitchen, sixty meters, eight or ten stoves, near each stove three or four women, each with her own burner. There lived one woman in particular, a terrible anti-Semite. She never said Hello to Jews, just ignored them. I remember around 1952, Stalin's years, terrible times, during the "doctors' affair", she would come into the kitchen and say: "There will soon be an order to beat the Jews, they should say so on the radio soon." She would announce it to everyone in the kitchen, Russians, Jews, everyone. She would address the Russians and say: "I will throw them out the window, those yid children, out the window." I remember when my son was around a year old, he was starting to walk, I was afraid that she will throw him out the window. The children ran around the corridor, played; I was afraid. That was how I felt.

When my son was in school, he had a teacher of Russian language and literature, in 6th grade. He was a boy, not particularly neat, he had ink spots in his notebooks. He was the only Jew in his class. One time, the teacher lifted up his notebook and said: "Children do you know why Misha Leresman has ink spots in his notebook? Because he is Jewish, and Jews are not neat." Misha came home and told me how badly ashamed he felt. And even the children understood and nobody laughed. Nobody reacted the way the teacher wanted. And one boy said: "I have been to their apartment -- it is clean and nice." There was such an incident. I remember, I went and talked with the teacher. But talk is talk. Who can we complain to?

I remember, my husband's cousin visited us in Leningrad, my first husband's, I later had a second husband, I divorced the first. This cousin visited, her name was Shelia, but she went by Zhenia, since Shelia was a Jewish name. Her parents were also taken to the ghetto and shot. She was left as a ten year old child during the war. She was taken in and adopted by a Ukrainian

family. Before she got married, she had a Ukrainian last name. Then she married a Jewish guy, I remember, his last name was Patoka. She lived near Bratslav, near Vilnitsa in the Ukraine. Now she is in Israel, everything is fine, with her children and grandchildren. I just remembered her.

Q: Your big family, did they all survive?

A: Yes, we were lucky. Now, the family is smaller. From my aunts, there is only one left, from my father's side; she recently moved to Israel with her family. My parents, of course, died already.

Q: Your aunt Olia, what was her last name?

A: She was Olga Iosefovna Vinograd. He, Yevgeniy Ivanovich Pratsenko, her husband. I remember, she would come to Moscow, she told: "I came to Moscow, call Voroshilov and say: "Klement Yefremovich, remember me, Olia, the Gypsy (that was her code name, she was a brunette, with curly hair, loved to dance)"" She was an interesting person, with a real fighting spirit. I remember, before the war, she came to my school and told about episodes of Civil War. I was very proud of her. She was telling us about the Civil War, how she saw Stalin, went to Tsaritsin. She would visit and tell my mother and another aunt: "What did you see in life? You are so unfortunate. I am a happy person. I struggled for the happiness of the humanity." She had this fanaticism. She was sincere, from the heart, like many people. She was an honest person who sacrificed herself. She lived poorly all her life. I remember in 1946, when we returned after the war, the times were tough, she would come to visit all swollen from hunger. We lived a little better -- my father was working. We fed her, my mother would make kasha: "Aunt Olia is coming, we have to feed her" But she would say that happiness is a struggle, lifelong struggle.

Q: What was her fate?

A: She died early. She died in 1949 from cancer. Her girl, Nadia, as if it was her fate, went back to the orphanage. She had been abandoned as a baby, adopted at a year and a half, then went back to the orphanage when her parents went to the front. After the war, her parents were

very ill, so she went back to the orphanage. I remember she graduated from F.Z.Y. -- factory - toolworks education. She married a Jewish guy. I somehow lost touch with her. She lives in Kharkov, probably. She would always be in an orphanage -- she would be adopted and then go back again. That was that child's destiny.

Q: In your large family, were there cases of anti-Semitism, or did everyone survive and died of old age?

A: You know, first, in our family, among my aunts and uncles, many were married to Russians. Two of my uncles were married to Russian women, and my aunt Olia was married to Yevgeniy Ivanovich. In my family, we didn't have cases of anti-Semitism where it "burn" the person, as they say. However, there was a lot of cases, like my neighbor, like my son's teacher -- we felt it all. After the army, my son, my older son, I have two more sons, twins. They are 34, and my older son will be 39 in April. At 25, my son decided to leave. He left alone, he was unmarried. He is still unmarried. He left alone and lived through a lot. It is hard to make it alone, without family. He would write that no matter how tough things got, he never doubted for a minute that he did the right thing by leaving that country. He left for political reasons. He used to say: "I watch TV, and I can't stand those lies, I am ashamed to walk on this Earth. They don't look at us as people, Jews, non-Jews, as if we listen to what they tell us. They say black is white, and you have to say it is so." He could not take it. I dreamed about him leaving. He used to say: "If I don't leave, I will go out on Red Square." Back then, that meant being labeled a dissident and psychiatric hospitals. I was scared for him and dreamed of him leaving. In 1978, he left.

Q: And when did you leave?

A: We left four years ago. We wanted to leave earlier, but could not because my mother and father were ill. They lived in Kharkov, as well as my aunt, also a very close to me person. We were with them until they died. We could not go with them. Then we had to refusals, and then green light, thanks God. Then we were reunited and felt the spirit of freedom. The democracy they are talking about (in Russia) is not a democracy but a poor imitation. Many, many years

have to pass, a couple of generations for things to change, it seems to me. I don't think things will be good there for the next 50 years or so. I feel sorry for the people who remained. Sorry for everyone, especially for the Jews, they are always under the gun. If something starts, who will be to blame? It is always easier if you can blame someone. It's hard.

That's probably it.

Moshkova, Polina

Russian transcript

1992 February 11

Interview with Polina Moshkova
Holocaust Media Project

February ~~January~~ 1992 San Francisco, CA

Interviewer: Rita Gorstein

Transcriber: Xenia Hammer

Q. Назовите свою фамилию, где родились, когда, если можно.

A. Моя фамилия Мошкова, имя Полина.

Я родилась 7-го апреля 1930 года в городе Харькове. Я была единственным ребенком в семье. Жили я помню мы с бабушкой, с дедушкой, с мамой и с парой в очень маленькой квартирке.

Я была одна, но двоюродных братьев и сестер у меня было очень много, поскольку у моей мамы было четыре сестры родных и четыре брата.

Всего девять детей было у моей бабушки. И помню как каждое воскресенье все эти, вобщем дружная очень семья, все дети ее со своими

Interview with Polina Moshkova, Page 2

семьями приходили к нам в маленькую эту квартирку, готовили еду в эти воскресенья - в это одно из воспоминаний моего детства.

В этой семье, одна из моих тетей, которую звали Фрада, с мужем, он был польский еврей, звали его ~~Юзеф~~ Юзер, мы называли его Юзик, фамилия Пернер. У них было двое детей, то есть мои двоюродные сестры, их звали Нина и Липа. Нина была младшая, ей было двенадцать лет перед войной, я рассказываю уже перед войной.

Липе было пятнадцать лет.

Когда началась война, мне было в арреле исполнилось одинадцать лет тогда, в июне

началась война, мы, моя семья, то есть, дедушка уже умер у нас когда мне было семь лет в тридцать седьмом году, бабушка с мамой и я с парой, поскольку он был негоден к строевой, у него ~~в~~ один глаз совершенно не видел, второй тоже с большой потерей зрения, мы выехать можно сказать последним эшелонем беженцев в эвакуацию.

А в оккупированной территории, все-таки в сорок первого года, нет в октябре, Харьков был уже занят немцами, осталась семья Перттер, вот этой моей тети, Фради Перттер. Их сразу же после объявления ~~о~~ сбора евреев на какой то там площади, их сразу отправивших в гетто.

В ХМЗ, то есть в Харьковский
тракторный Завод, известное гетто
в Харькове было. Радио и теле. А
детей, двух девочек двенадцати и пятнадцати
лет, как я говорила, стала прятать русская
женщина, соседка, Марина. Я помню что
у этой Марины был мальчик нашего возраста,
Володя и мы играли всегда. Я приходила
к ним; мы жили недалеко друг от друга.
Я с Никой, я с ней очень дружна была,
мы играли. Эта женщина, она жила ^{и с Володей,}
одна с сыном, она прятала этих двух девочек.
Вот. Мы ничего не знали о них. Был
оккупирован город. Мы жили сначала в
Казахстане, потом в Узбекистане, в
городе Алма-Ате, ну и в сорок четвертом
году (в сорок третьем году освободили Харьков)

мои родственники, уже не помню кто приехали в Харьков, и написали нам письмо в котором сообщали о судьбе этой семьи. Когда девочки находились у этой соседки Марины, пришлось, ну конечно был голод, было очень тяжело, она их прятала там. Все. Вещи они обменивали на продукты. Но каждый день они шли пешком, это очень далеко на гетто, на ХМЗ, этот тракторный завод, это гетто смотреть на свою маму и папу которые за колючей проволокой смотрели на них. Это у них было каждодневное свидание с родителями. Потом родителей очевидно расстреляли потому что уже никому было ходить. Пришли соседи, дом этот был

большой, соседей было очень много - пришли соседи и сказали Марине: "Мы должны сделать так чтобы эти дети ушли поскольку мы рискуем все - если об этом узнают мы погибнем все потому что все мы знаем". Ей пришлось сказать: "Уходите девочки" потому что я боюсь за жизнь своего сына и всех соседей". И пришлось уйти. Ушли они, это зимой было, страшная зима, сильные морозы были. Одежды уже не было теплой. Ушли они в петлих пальтишках, их нашли замерзшими по дороге в город Сумы. Вот так закончилась жизнь этой всей семьи. ~~Нико~~

Надо сказать что не уехали они из-за папы их, из-за этого Юзика Пернера

потому что он, я знаю, говорил что он уверен что немцы купятный ~~наш~~ народ; никакого истребления евреев не будет, мы останемся; он ничего не хотел слышать. И он погиб, и дети погибли.

Мы выжили. Надо сказать, что мои и тети и дяди которые были на фронте, дяди я имею в виду и даже одна из тетей была. Она ушла в партизаны когда началась война. Она вообще из старых большевиков была, таких драматично преданных советской власти. Еще в гражданскую войну когда она убежала из дома в 18 лет и попала в отряд Пархоменко, Александра Пархоменко, известного полководца гражданской войны. И воевала

и с Ворошиловыми и с Буденными. Я помню она показывала фотографии где она там танцует с Буденными. Я помню приезжала жена Пархоменко останавливалась у них - это до войны, мне было лет 8-9. Моя теща взяла - у него не было детей, муж у них был русский, Евгений Иванович Праценко, тоже воевал в гражданскую войну, тоже арый большевик. У них не было детей, и они взяли из детского дома девочку, Нацию. Ей было год-полтора когда ее взяли, перед войной. А когда началась война, мою тещу, тещу Олю вызвали в обком партии и сказали что мы знаем что вы преданный советской власти человек и мы хотим вам с вашим мужем предложить работать в тылу у немцев. То есть забросить

вас в тип разведчиком. Мы знаем что у вас ребенок, вы можете отказаться. Она сказала: "Если партия доверяет, значит какие могут быть разговоры". И она ~~сдала~~ ребенка снова в детский дом. Мы не могли взять эту девочку ~~потому~~ потому что у нас на руках была большая огева ~~ба~~ бабушка, астматик. И значит пришлось в дет дом отдать эту девочку, и она ушла на фронт. Мы уехали в Апиа Ату, и через два месяца они, тетьа и дедя, выполнили задание, получили по ордену Красной Звезды - они по тылам немцев ходили и смотрели сколько там чего, орудия считали, передавали. Приехали к нам в Апиа Ату, и стали рассказывать своего ребенка. Этот ребенок жил рядом

с нами, мы не знали, на одной улице.
Перед тем как тата с дядей приехали,
этого ребенка куда-то увезли. Я помню эти
поиски, через Барнаул, был город где искали
всегда живых, погибших, без вести пропавших.
Нашли девочку, забрали ее снова, она
воспитывалась у них.

Ну я откликлась немножко - вот такая
такая история. Ну что еще вспомнить мне?

В Харькове мне указали на одну
женщину. Помню ее звали Жена, но
фамилию я не знала просто. Когда
началась война, у нее был новорожденный
ребенок, мальчик. И когда немцы согнали
всех евреев на какуюто площадь, русские
люди пришли смотреть как их будут
отправлять в газовые камеры. Подкапывала

машина с этими газовыми камерами внутри.

Людей загружали, и уже на обратном конце выгружали трупы потому что их душили в этой машине. И вот стояла очередь евреев, кто с детьми, кто это.

Ну им сказали что их куда-то отправляют, в гетто. Во всяком случае собрали этих евреев и на площади стояли русские.

Многие русских, украинцев, которые смотрели на эту очередь, как их загружают в машины. Но никто же не знал что это газовые камеры в машине. Просто машина, загружают и увозят. Я хочу сказать что не все немцы звери, наверно.

Эта женщина со своим ребенком новорожденным стояла последняя в очереди. И немец, но молодой немец,

содат, прикладом ее он стал кричать
"Шнеппек, Шнеппе" и ее он отбросил в
толпу русских. И она ушла. Мы
вернулись в Харьков в 45 году а в 51
я вышла замуж за Ленинградца и
переехала в Ленинград. Ну я приезжала
каждый год к родителям и мама мне
показывала всегда эту женщину. Она
работала на Харьковском рынке, что
то продавала. И мама мне всегда
рассказывала эту историю, к ней
подходила. Она жила, ее у нее сын
лет на десять младше меня. Может
жив, здоров. Вот такая история была
с ней, когда немец ее отбросил в
толпу. Может быть потянул, может
быть вспомнил что у него был новорожденный

ребенок. Во всяком случае, проявил такую добродетель.

Что еще рассказать. Вспоминаются мне рассказы моего отца, ~~когда~~ это было в год 1901 году еще помню. Когда приходили на Украину банды и устраивали погромы еврейские. Мой дед, отец моего отца, был мельником. То ли это его была небольшая мельница, я не знаю. Но он был добрый, хороший человек, у него были рабочие, украинцы, русские. Они его очень уважали. Когда пришли эти банды и согнали каких то там евреев в том числе его и моего отца и вешали на расстрел. Отец рассказывал, ему было лет 16, он рассказывал как он чувствовал как дуло пистолета в затылок

ему упиралось. В это время из толпы этой русских рабочих вышли рабочие и буквально чуть ли на коленях умоляли этих подремонщиков отпустить этого мельника и его сына - "они хорошие отпустили". Меня бы здесь не было если их не отпустили. Вот такой спугай.

Это не относится к еврейскому геноциду но вот такой спугай из Ленинградской блокады. Это рассказывала одна женщина которая переместилась в блокаду. Она осталась в доме одна - то есть дом вымер, все умерли. Ей необходимо было общение с кем то живым. И вдруг появилась крыса откуда она появилась, она не могла понять. Потому что крыс уже переповили и свети, и крыс и кошек и все живое. Появилась

эта крыса. И ей настолько необходимо было общение с живыми существами что она каждый день стала делить свои 125 грам хлеба с этой крысой. И крыса жила у нее. И она с ней разговаривала, и та на нее смотрела своимибусенкамии глазу и как будто бы все понимала. Ну говорят что они умные животные, крысы. Ну когда сняли блокаду, когда приехали соседи, в доме поселились люди. Ну почему это нравится чтобы в кухне была крыса. Они стали говорить что надо крысоловку, надо уничтожить, надо что то делать. Она умоляла их: "она спасла мне жизнь эта крыса, оставьте её". А крыса сидела и слушала. И когда она почувствовала что бесполезен спор, это действительно никому не надо. Она говорит подождала

к ней и сказала: "Уходи и не приходи больше." "Она на меня посмотрела и ушла. И больше ее не было, крысы. Она поняла видимо этот разговор, этот спор. Вот такой был ~~случай~~ случай этой женщины которая рассказывала о себе.

Что касается антисемитизма, он конечно был, и есть. и наверное будет ~~то~~ потому что история всей жизни говорит об этом. Я когда в Ленинград переехала, жила в такой жуткой "коммуналка", Коридорная система, в квартире было 82 человека. Длинный

коридор, 26 комнат, 82 человека.
Кто по 3, по 4 в комнате, кто
один, два человека. Огромная кухня,
метров 60, 8 или 10 плит, у каждой
плиты по 3-4 хозяйки, у каждого
своя каморочка. И вот там жили,
особенно одна, страшная актрисенка,
жуткая просто. Свирепая она вообще
не здоровалась, она измучивалась всех.
И вот в сталинские времена ужасные,
когда было дело врагов, годы 52 ой,
я помню она ходила по коридору,
заходила в кухню и говорила:

"Наверное скоро будет приказ о том чтоб евреев бить по радио должны объявить."

Это она всем объявляла стоящим, топала русских, евреев. Она как бы

к русским обращаясь говорила: "Я

буду их выбрасывать из окна, всех

этих жидовских детей, я буду выбрасывать из окна." Я помню когда моему

сыну было там, он начал ходить,

только, год, я боялась что она его

выбросит из окна. Я не могла его,

в коридоре, там иногда дети бежали,

играли - я боялась - вот такое было

чувство. В школе когда сын учился, была учительница русского языка и литературы, он тогда был в ~~10~~ 6ом классе. Мальшика, он не был аккуратным, класксы были в дневнике. Он был один еврей в классе. Она однажды подняла этот дневник с класками и сказала:

"Ребята знаете почему у Миши Пересмана вот такие класксы? Потому что он еврей а евреи все неаккуратные."

Мишка, мой сын, пришел и говорит:

"Мама, мне было так стыдно и обидно."

Но даже дети поняли и никто не засмеялся". Никто

отреагирован так как бы ей хотелось.

А один мальчик сказал: "Я был у них в квартире, у них чисто, хорошо."

Вот такой был инцидент. Я помню пришла и я с ней поговорила. Ну разговор остался разговором. Кому жаловаться?

Я помню приезжала в Ленинград двоюродная сестра моего мужа, первого мужа, у меня потом был второй муж - я разошлась с первым. Вот приезжала эта двоюродная сестра - звали ее Шеня, называли ее Женья,

так как Мина еврейское имя. Ее родители тоже были взяты в гетто, расстреляны. Она осталась десятилетним ребенком во время войны. Ее приютила и удочерила украинская семья. И она до своего замужества, была на фамилии украинской. Потом она вышла замуж за еврейского парня, фамилия его полню Патока. Жила она возле Брацлава, это около Випьныцы, Киева на Украине. А сейчас они в Израиле, все благополучно, с детьми, с внуками. Вот о ней я вспомнила.

Q. А вот эта большая ваша семья, они уцепени все.

A. Да, ~~она~~ нам повезло. Ну сейчас поредела семья. Во первых из семьи, из моей тетеи осталась только одна, по линии отца, которая живет сейчас в Израиле, недавно приехала, с семьей. Мои родители, уже конечно все умерли.

Q. Вашу тетю Олю как звали?

A. Она была Ольга Иосифовна Виноград. Он, Евгений Иванович Траченок, ее муж. Я помню она приезжала в Москву, рассказывала: "Я приехала в Москву,

звоню Ворошилову и говорю: "Кажется
Ефремович, помнишь ты меня, Оню,
Цыганку (у нее была кличка, она была
иркейская, такие завитушки, танцевала,
у нее была кличка Цыганка). Она была
интересным человеком. Такая боевитость
в ней была всегда. Я помню она до
войны приходила ко мне в школу, рассказывала
эпизоды гражданской войны. Я очень
гордилась, я помню: "Моя Оня обязательно
прийдет", она о гражданской войне она
рассказывала, она видела и Сталина и в
Царизме ездила. Я помню она приходила

к нам и говорила маме и другой тете:

"Ну что вы в жизни видели, какие же

вы несчастные. Вот я счастливый

человек. Я боролась за счастье человечества".

Вот видите какой был фанатизм. Ее

казалось, как многим, она от души, это

было гестно. Это был гестный человек

который приносил себя в жертву. Всю

жизнь она жила плохо. Я помню в

46 ом году когда мы приехали после

войны, было очень тяжелое время, она

приходила к нам опухшая от голода. Мы

немного лучше жили - отец все таки

работал. Мы кормили ее, варила мама
всегда пшеничную кашу: "Маме она должна
прийти, надо ее накормить". Она была опухшая.
Но она все время говорила - счастье и несчастье
это борьба, борьба всю жизнь?

Q. Как ее судьба сложилась?

A. Она умерла рано. Она умерла в
49 ом году, у нее был рак. В 49 году.
А девочка, мама ее, как будто ей
суждено было жить в детском доме,
она была когда-то подкинута, подобршена,
"подкидыши" тогда говорили. Она ее взяла
в год, в полтора года она ее снова в

детский дом сдала потому что она уходила на фронт. ~~и~~ Потом она ее забрала, она тяжело заболела, после войны уже. Снова Надя пошла в детский дом. Потому что отец, он болел всегда. И так она закончила я помню ФЗУ - фабрично-заводское обучение. Вышла замуж потом за еврейского парня. Я как то с ней потеряла связь - может быть она и живая, живет в Харькове, наверно. Ну вот она все время было в детских домах - ее устроили - и опять она там и то опять - то ее

берут, но ее сдают. Вот такая судьба этого ребенка была.

Q. А вот в вашей большой семье какие то случаи антисемитизма были или учили все не от 6 пятилетнего возраста умерли?

A. Вы знаете, во первых в нашей большой семье, - мои дяди, тети, некоторые были женаты на русских, некоторые за мужем за русскими. ~~Вот~~ Двое дядей моих были женаты на русских женщинах, и тетя моя, тетя Оля, ~~была женой~~ замужем за Евгением Ивановичем. У нас в

семье не было таких спусков антисемитизма
чтобы человек "горел" на этом, как
говорится. Но отдельные выпады, как
с моей соседкой, вот это мы ощущали,
как учительница моего сына, это мы
ощущали. Мой сын, после армии, старший
сын, у меня ещё двое, близнецы. Им
по 34, и сыну 39 будет в апреле. Сын
в 25 лет говорит: Я уезду. Он уехал
сюда один, не женатый был. И сейчас
не женатый. Уехал один, конечно очень
много перетерпел. Одному проживать себе
дорогу - не семья, одному гораздо сложнее.

И он писал что он никогда, как будто
тяжело, как он в ~~Атла~~ Нью Йорке перестрадал
и платить нечем за квартиру, никогда
ни на минуту не сомневался в том что
сделал правильно что уехал из этой страны.
Он только по попитивеским мотивам
уехал. Он говорил: "Я смотрю телевизор, а
не могу видеть эту лажу, мне стыдно
хотить по этой земле. Нас считают
здесь, всех, не только евреев, просто не
поддаки - что говорят, то и слушай. Тебе
говорят что белое черное, а ты должен
повторять. что это действительно так.

он не мог, не мог совершенно. Я мечтаю
чтобы он уехал. Он говорил: "Если я не
уеду, я выйду на Красную Площадь, я выйду
со знаменами". А тогда это были диссиденты,
психушки. Приклеют тебе диссидента и ты
в психиатрической палате оказываешься.
И я страшно боялась, мечтаю чтобы он
уехал. В 78 году он уехал.

Q. А вы когда.

A. Мы приехали 4 года назад. Мы хотели
раньше, но не могли потому что отец и
мать были не здоровы. Жили в Харькове,
и тетя моя тоже очень близкий мне

человек. Пока они не умерли, мы с ними
были. А ехать с ними мы не могли.

Потом нам дважды отказывали, а потом
зеленая улица, слава богу. Мы тогда
уже объединились и почувствовали
что значит дух свободы и что там
где мы жили. Эта демократия о
которой они говорят, это не демократия
а подобие демократии. и возможно
в душе людей которые привыкли вот
так... а не знаю.. Надо чтобы
много-много лет прошло, сменилось
пара поколений, чтобы то сменилось
это, мне так кажется. Вряд ли
там будет хорошо, в ближайшие 50 лет.
Жанко-жанко людей которые там
остались. Жанко всех, а особенно евреев,
они там всегда под прицелом.

Под прицепом. Если что то нагнетается, то кто виноват? Легче на душе если можно найти виновного. Вот так, тяжело, тяжело народу.

Наверно все.